

раньше нашего“. „Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ Христось?“ — „Какъ-же можетъ быть иначе, говорю ему, для всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ устремляется къ слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, говорю ему, въ лѣсу скитаются страшный медвѣдь, грозный и свирѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный“. И разсказаль я ему, какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спасавшемуся въ лѣсу, въ малой келійкѣ, и умилился надъ нимъ великій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подаль ему хлѣба кусокъ: „Ступай, дескать, Христось съ тобой“, и отошелъ свирѣпый звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился юноша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что съ нимъ Христось. „Ахъ, какъ,

говорить, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно!“ Сидитъ, задумался тихо и сладко. Вижу, что понималъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, безгрѣшнымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за него самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ людямъ!“

И этотъ миръ и этотъ свѣтъ разумѣется болѣе будетъ видѣться въ людяхъ, если этому будутъ служить руководители подростяющаго поколѣнія.

„Берегите-же народъ и оберегайте его, ибо нашъ народъ Богоносецъ“ — таковъ завѣтъ великаго писателя, завѣтъ обращенный ко всѣмъ труженикамъ на нивѣ дѣтскихъ сердецъ: берегите, оберегайте дѣтокъ, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ!*..

Димитрій Введенскій.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе ¹).

II.

Посмотримъ теперь, что говорилъ о. Михаилъ собственно о церковно-приходской школѣ и ея значеніи въ народной жизни. Свои взгляды по этому вопросу онъ особенно подробно отмѣтилъ въ полубеллетристической статьѣ, помѣщенной имъ въ „Душеполезномъ Читеніи“ за 1899 годъ, подъ заглавіемъ; „Современныя бесѣды“. Вотъ какія рѣчи влагаетъ онъ въ уста почтеннаго старца священника о. Алексея по поводу газетныхъ толковъ о

народной школѣ. „Боже, договоримся ли мы когданибудь до настоящей сути? Скоро ли честно сознаемъ ту истину, что одна грамота, одно знаніе обрывковъ современной науки еще не великое благо,—даже напротивъ... Что такое свѣтъ знанія? Это—фонарь. Правда, съ фонаремъ легче идти, чѣмъ въ потемкахъ, но вѣдь главное—кто идетъ и *зачѣмъ* идетъ...“

„Нашему народу слѣдуетъ сообщить не только извѣстную сумму знаній,

¹ См. № 1.

но и дать ему твердую нравственную устойчивость, воспитать въ немъ глубокое чувство долга, своихъ хрістіанскихъ обязанностей. А между тѣмъ люди какъ будто позабыли, что, кромѣ шумной, суетливой жизни, у человѣка есть еще внутренній міръ, и этотъ міръ, можетъ быть, несравненно богаче, чѣмъ самая богатая дѣйствительность, что если астрономы повѣдаютъ намъ о „глубинахъ бездонныхъ“, гдѣ движутся милліоны вѣковыхъ свѣтилъ, если публицистъ ежедневно открываетъ предъ нами калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ происшествій отъ великаго и ужасающаго до пошлаго и смѣшнаго, если естествовѣды говорятъ намъ о неописуемомъ разнообразіи твореній въ Божьемъ мірѣ, то вѣдь и во внутреннемъ мірѣ души человѣческой есть также и глубины бездонныя, и столь же неисчерпаемое богатство жизни, и еще болѣе чарующая, чѣмъ вся слава небесъ, красота образа Божія въ человѣкѣ. А между тѣмъ внутренній міръ души человѣческой какъ будто совсѣмъ забытъ, заброшенъ и кажется пустымъ и безсодержательнымъ. Оставшись наединѣ съ самимъ собой, человѣкъ скучаетъ и спѣшитъ занять себя какими бы то ни было развлеченіями. Равновѣсіе нарушено. Пренебрегши внутреннимъ міромъ, человѣкъ теряетъ *въ самомъ себѣ твердую опору и становится игрушкой внѣшнихъ обстоятельствъ*. Современный человѣкъ не столько старается руководить обстоятельствами, сколько плыветъ по теченію. Посудите, какъ мы будемъ учить крестьянина внутренней устойчивости, чувству долга и отвѣтственности предъ семьей и государствомъ, когда въ насъ самихъ мало всего этого?

„Главною причиною этого печальнаго явленія слѣдуетъ считать отдаленіе

общества отъ Церкви. Только вѣдь св. Церковь напоминаетъ намъ среди смутной, суетливой и измѣнчивой дѣятельности о величавыхъ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началахъ, глубоко заложенныхъ въ душѣ человѣка, о цѣли и смыслѣ его земного существованія, о достоинствѣ души человѣческой, гибель которой не искупятъ всѣ сокровища міра. Многіе ли изъ современнаго общества считаютъ непремѣннымъ долгомъ для себя и для членовъ своей семьи обязательное посѣщеніе храма Божія въ воскресные и праздничные дни? А если и бываютъ въ церкви, то принимаютъ ли къ сердцу глубокіе уроки хрістіанскихъ, праздниковъ, принимая мыслью и сердцемъ къ священнымъ воспоминаніямъ? Какъ часто хотѣлось бы представить въ своемъ воображеніи картину семьи, собравшейся наканунѣ великаго праздника вокругъ главы дома и бесѣдующей о священныхъ событіяхъ и извлекающей для себя изъ нихъ великіе священные уроки! Но, чувствуешь, что среди современной дѣйствительности эта картина не болѣе лишь какъ прекрасная мечта...

„Народъ нашъ страдаетъ отъ недостатка сознательной жизни, отъ слѣпоты, отъ отсутствія своей православной русской культуры, а образованное общество заразилось недугами Запада. Но, знайте, что русскій человѣкъ никогда не можетъ отдаться *всецѣло* внѣшнему міру... Западъ тѣмъ и силенъ, что отдался *весь* беззавѣтно и *всецѣло* *внѣшней культурѣ*, отвергнувши сознательно вѣру въ сверхъ-чувственный міръ. Отсюда — цѣльность его стремленій; отсюда сосредоточенная энергія его духа, отсюда блестящая внѣшность его культурной жизни. Но вѣдь не все то золото, что блеститъ. Не хочу быть пророкомъ несчастія,

но... страшно становится подъ-часъ при иныхъ проявленіяхъ западно-европейской жизни...

„Слава Богу мы имѣемъ другіе идеалы...

„О, если бы наше образованное общество, подъ знаменемъ св. Церкви, прониклось серіозною заботой хотя бы о народномъ просвѣщеніи, — духовенство первое возрадовалось бы тому! И, благодареніе Господу, уже много вѣрныхъ чадъ св. Церкви, изъ нашего образованнаго общества, правильно понимаютъ задачи народной школы, и не все ли равно — гдѣ они трудятся — въ земскихъ или въ церковныхъ школахъ?

„Но все же образованное общество должно бы болѣе серіозно и глубоко относиться къ столь великому дѣлу; какъ руководство народнымъ образованіемъ. Это отчасти и вызвало необходимость церковной школы.

„Дѣло въ томъ, что при учрежденіи народныхъ школъ проявились стремленія уже коснуться завѣтнѣйшихъ вѣрованій народа... Народъ не захотѣлъ такой школы, которая отвращала бы его дѣтей отъ „божественнаго“... Будемъ надѣяться, что могучій подъемъ народнаго самосознанія окончательно отрезвитъ наше образованное общество отъ всякихъ блужданій по распуціямъ. Лучшіе умы нашего времени сознаютъ это. Покойный критикъ Н. Н. Страховъ еще въ 1882 г. вотъ что писалъ между прочимъ: „Народъ, какъ огромный балластъ, лежащій въ глубинѣ нашего государственнаго корабля, одинъ даетъ этому кораблю его прямое и могучее движеніе, несмотря ни на какіе внѣшніе вѣтры и бури, несмотря ни на какую вѣтреность кормчихъ и капитановъ. Эту безсознательную жизнь, эту духовную силу, исполненную такого смиренія и такого

могущества, намъ слѣдуетъ привести себѣ къ сознанію, и ею одушевить наше просвѣщеніе“¹⁾. Образование необходимо для народа, но прежде всего для того, чтобы народъ нашъ сознательнѣе, разумнѣе, а слѣдовательно — и глубже относился къ тому, что, такъ сказать, врождено ему, что живетъ въ его вѣрующемъ сердцѣ. Дитя можетъ глубоко напитаться животворнымъ духомъ св. вѣры отъ родителей, отъ среды, отъ священныхъ впечатлѣній храма, но вѣдь этого недостаточно; необходимо озарить для него свѣтомъ христіанскаго сознанія то, что воспринято непосредственнымъ чувствомъ. Или вотъ какъ это выражаетъ Аксаковъ: „Съ церковнымъ строемъ крестьянскій мальчикъ находится въ привычной связи посредствомъ обрядовъ, общественнаго въ храмѣ Богослуженія и совершенія священныхъ таинствъ; — слѣдовательно, школѣ остается только осмыслить и освѣтить для него эти бытовые узы, укрѣпить ихъ въ его чувствѣ и сознаніи, еще крѣдче связать его съ храмомъ, который для народа былъ и пребываетъ сокровищницей высшихъ нравственныхъ наставленій, святыхъ впечатлѣній и благихъ эстетическихъ наслажденій. Велико значеніе храма и всего Богослужебнаго чина въ жизни народной!.. Храмъ Божій соблюлъ въ нашемъ народѣ, сквозь тысячелѣтіе жидейской тьмы и удушья, текущихъ нуждъ и всяческихъ испытаній, христіанскую душу... Не къ язычникамъ обращается школа, а къ народу, исповѣдующему христіанство съ давнихъ временъ, къ народу, котораго весь бытъ, весь годовой кругъ жизни и дѣятельности связанъ съ христіанскимъ культомъ... Внимая въ церкви „глаголамъ жизни“, онъ вне-

¹⁾ Н. Страховъ. Борьба съ западомъ, XI.

млетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отеческому преданію. Но темень онъ, крестьянинъ, тщетно напрягаетъ слухъ, — смыслъ множества словъ, символическое значеніе обрядовъ, послѣдовательность и полнота Божьяго откровенія отъ него ускользають при Богослуженіи. И говоритъ онъ себѣ: неученье—тьма, ученье—свѣтъ. И съ радостью встрѣтитъ онъ каждую школу, которая во истину поведетъ его къ свѣту, приподниметъ его въ высшій духовный міръ, сдѣлаетъ ему доступнымъ разумѣніе слова Божія“ (т. IV, 725—732). Глубокій религиозный инстинктъ нашего народа спасетъ еще разъ и наше образованное общество... Нашъ народъ никогда не отдавался *весь* исключительно матеріальнымъ и государственнымъ интересамъ, а, напротивъ, постоянно жилъ и живетъ въ нѣкоторой духовной области, въ которой видитъ свою родину, свой высшій интересъ... Повторяю еще разъ, могучая волна, поднявшаяся со дна великой народной души, еще разъ вынесетъ утлую ладью нашего заимствованнаго образованія въ надежную пристань...

„Не рѣдко приходилось мнѣ слышать, что первоначальная школа должна отличаться отъ средней тѣмъ, что, научивъ грамотѣ, сообщаетъ лишь элементарныя свѣдѣнія изъ наукъ, которыя затѣмъ расширяются въ средней школѣ и т. д. Словомъ все различіе—въ объемъ знанія. Но это не вполне справедливо. Наблюдали ли вы за жизнью дѣтей? Сперва дитя живетъ и руководится лишь движеніями своего сердца: его дѣйствія исходятъ изъ врожденныхъ потребностей и вліянія ощущеній. Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ выходитъ изъ дѣтскаго состоянія, онъ ставитъ себѣ вопросъ: что я долженъ *дѣлать*? Забудьте—не чтó мнѣ *знать*... Если бы

дѣло касалось какой-нибудь опредѣленной практической задачи, наприкладъ, вопроса, что мнѣ дѣлать, чтобы стать инженеромъ, отвѣтъ былъ бы ясенъ: поступить въ инженерное училище. Но человѣкъ, начавшій жить сознательною жизнью, задаетъ вопросъ не о томъ. Онъ еще не имѣетъ опредѣленной практической задачи. Онъ спрашиваетъ себя: что онъ долженъ дѣлать *какъ* *человѣкъ*? Но этого вопроса нельзя рѣшить, не зная назначенія человѣка, конечныхъ цѣлей его жизни. А назначенія человѣка нельзя рѣшить, не зная смысла и цѣли міровой жизни, не усвоивъ себѣ опредѣленнаго міросозерцанія. *Отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ и значеніи жизни всегда давала людямъ только религія.* И вотъ, первоначальная школа и должна дать отвѣтъ на первоначальный вопросъ, возникающій въ душѣ человѣка. Возникнетъ затѣмъ много другихъ вопросовъ,—отвѣтъ на нихъ и дадутъ другія школы. Что касается дѣтскихъ силъ, то не думайте, что этотъ вопросъ такъ далекъ отъ дѣтскаго разумѣнія. Вотъ вамъ два мнѣнія: одно православнаго святителя-подвижника, другое — протестантскаго ученаго. „Истина доступна всякому, говоритъ святитель Теофанъ. Что малое хрістіанское дитя премудрѣе философовъ—показалъ опытъ. Онъ и теперь повторяется, но прежде онъ былъ повсюду. Наприкладъ, во время мученичества, малыя дѣти разсуждали о Господѣ Спасителѣ, о безуміи идолопоклонства, о будущей жизни; это оттого, что мать или отецъ бесѣдовали съ ними. Истины эти сроднились съ сердцемъ, которое стало дорожить ими до готовности на смерть за нихъ... Нѣтъ нужды, что все это обращается къ иному невидимому міру. У дѣтей есть къ тому предрасположеніе“... 1)

1) Путь ко спасенію.

„Христіанское воспитаніе, говоритъ протестантскій ученый, соответствуетъ истиннымъ и глубокимъ потребностямъ души... Едва малюткѣ рассказали о Богѣ, едва произнесли предъ нимъ Его святое Имя, какъ онъ уже понялъ то, что мудрецы зачастую уже разучились понимать. Это Имя пробуждаетъ въ немъ ясную и истинную идею, которая кажется какъ бы запечатлѣнною рукой Самого Создателя въ его сердцѣ. При первомъ же соприкосновеніи съ Божественнымъ, душа человѣческая слышитъ чудную гармонію, какъ бы внимаешь небесной арфѣ, воспѣвающей Господа... И не одна только идея Бога пробуждается подобнымъ образомъ въ ребенкѣ; когда ему говорятъ объ Иисусѣ Христѣ, онъ понимаетъ все тотчасъ же и скоро начинаетъ испытывать безотчетную любовь къ Его Лицу. Кто слышалъ ребенка бесѣдующаго съ матерью о тайнахъ спасенія и креста и видѣлъ при этомъ его влажный ротъ слезъ взоръ, когда ему рисовали искупительныя страданія; кто удержалъ въ памяти слова его, исполненныя и глубины и простоты, кто слышалъ, наконецъ, его молитву, столь простую и вмѣстѣ съ тѣмъ столь правдивую, тотъ съ благоговѣніемъ повторитъ слово Иисуса Христа: „Благодарю Тебя за то, что Ты открылъ это дѣтямъ!“ О, ребенокъ съ своею простотою и прямодушіемъ является зачастую великимъ богословомъ! Что его трогаетъ въ Евангеліи, — это самое существенное, и мы многому бы могли поучиться у него“¹⁾.

„Прислушайтесь, присмотритесь къ работѣ, происходящей въ ульѣ... Но отнимите, удалите матку... Вдругъ, вмѣсто прежней кипучей работы, все

точно замретъ... Такъ и въ человѣкѣ. Онъ можетъ быть обогащенъ множествомъ знаній, но если у него нѣтъ одного, главнаго, именно того, что даетъ смыслъ его дѣятельности, если онъ не знаетъ, во имя чего онъ живетъ, принесутъ ли ему пользу знанія? Въ томъ-то и дѣло, что мы просматриваемъ обыкновенно въ человѣкѣ неистребимое благородство его природы: онъ желаетъ жить не во имя свое, не для себя, не для наслажденій... Наука не можетъ дать ему рѣшенія вопросовъ о цѣли и смыслѣ его существованія, а безъ этихъ вопросовъ, безъ такого или иного рѣшенія ихъ человѣкъ — улей безъ матки. Въ немъ нѣтъ бодрости духа, нѣтъ энергии, нѣтъ центра сосредоточенія его силъ... Поймите, что никакой даже и матеріальный прогрессъ невозможенъ, если человѣчество теряетъ въ завѣтные идеалы. Ищите прежде царствія Божія, и все остальное придетъ къ вамъ! Задача церковной школы въ томъ и состоитъ, чтобы обезпечить человѣку прежде всего это „единое на потребу“, дать ему тотъ „основаніе“, котораго люди не могутъ дать, тотъ краеугольный камень „во главу угла“, безъ котораго невозможны никакіе успѣхи... А затѣмъ — такъ какъ свѣтскія знанія полезны для плодотворности труда, ихъ и надобно сообщать лишь въ тѣхъ размѣрахъ, какіе указываются *практическою* необходимостью. Врачу необходимы медицинскія познанія, инженеру — другія. Крестьянину что необходимо? Если вы не хотите отрывать крестьянина отъ его среды, ему необходимы элементарныя познанія, касающіяся земледѣлія, садоводства, огородничества, ремесленныя и другія, — но только тѣ, которыя приложимы и полезны къ данной мѣстности, къ даннымъ условіямъ земле-

¹⁾ Прессансэ „Христіанская семья.“

дѣльческой и промышленной жизни! Необходимы ему и элементы исторіи, чтобы сознать себя гражданиномъ, сыномъ своей родины. Все это найдете въ церковной школѣ. „На такихъ же точно началахъ можетъ быть построена и министерская, и земская, и всякая другая школа. И дай Богъ! Церковная школа — не врагъ другимъ школамъ, а лучший другъ, сотрудникъ, чтобы не сказать образецъ. Но нельзя не указать на одно великое ея преимущество, котораго нѣтъ у остальныхъ большихъ и трудныхъ школъ. Народная школа не даромъ называется *первоначальной*. Замѣйте, — все первоначальное заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ дальнѣйшее разнообразіе. Возьмите семью. Отецъ и мать для ребенка все: и *власть*, и *законъ*, и *наставникъ*, и *кормилецъ*, и *воспитатель*. Все вмѣстѣ. Такъ и первоначальная школа. Она призвана не только учить, но и воспитывать. И такъ, если въ основу первоначальной школы мы должны положить религіозное, истинно-христіанское начало, то изъ чего мы должны исходить, къ чему стремиться? Если вы христіанинъ, и честно вѣрующій, такъ вы скажете, что человекъ рождается съ унаслѣдованными грѣшными наклонностями, „во грѣхъ“, что цѣль воспитанія будетъ состоять не въ развѣтвѣ *всего*, что заложено въ природѣ человека, но въ подавленіи грѣшныхъ наклонностей и въ возвращеніи „новаго человека“, по образу Христа, что немислимо безъ благотнаго вліянія *Церкви*. Какъ вы въ школѣ ни примѣняйте разныя наглядныя пособія, картины, волшебные фонари, — знайте, что въ душѣ дитяти каждое, самое даже главное, представленіе дѣйствуетъ въ гораздо ничтожнѣйшемъ размѣрѣ, не-

жели *тихое* живое отношеніе. Всякое религіозное обученіе, всякое стараніе пробудить религіозное чувство и оживить, укоренить и запечатлѣть въ ру въ Бога будетъ имѣть педагогическое вліяніе лишь настолько, насколько одновременно, вмѣстѣ съ этимъ, пробуждается и оживляется въ душѣ дитяти страхъ и любовь къ Богу. „

Дальше о. Михаилъ приводитъ слова святаго Оеофана о значеніи *церковности* въ дѣлѣ воспитанія: „Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса къ божественному есть *церковность*, въ которой неисходно должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость пребыванія среди его, радости тишины и теплоты, отраженіе отъ всего блестящаго и привлекательнаго въ мірской суетѣ, не могутъ лучше и впечатлѣваться въ сердцѣ. Въ Церковь, въ духовное вліяніе, иконы — первые священнѣйшіе предметы по содержанию и силѣ. Нѣтъ нужды, что все это обращается къ иному, невидимому міру. У дѣтей есть предрасположеніе къ тому, и они скоро усвоятъ эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и дѣйствуетъ не языкомъ, а сердцемъ. Оттого они охотно и безъ усталости участвуютъ въ домашнихъ молитвахъ и церковномъ Богослуженіи, и рады этому. Поэтому не должно лишать ихъ этой части образованія, а мало-помалу вводить ихъ въ это святилище нашего существа. Чѣмъ раньше напечатлѣтся страхъ Божій и возбудится молитва, тѣмъ прочнѣе будетъ благочестіе во все послѣдующее время. Въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ духъ этотъ проявляется самъ собою, даже среди видимыхъ препятствій къ его обнаруженію“ 1).

1) Путь ко спасенію. 41—42.

„Вотъ идея церковной школы. Кто-жъ всего лучше можетъ осуществить ее, какъ не пастырь? Пастырь Церкви и долженъ быть въ народной школѣ и главнымъ наставникомъ и главнымъ воспитателемъ... Далѣе: въ настоящее время мы слышимъ уже жалобы на то, что, при наилучшей постановкѣ первоначальной школы, дѣти, по окончаніи курса, да и во время самаго прохожденія его, подвергаются дурному вліянію среды. Значить необходимо воздѣйствіе на среду, необходимо надзоръ за дѣтьми и внѣ школы, необходимы лица, которыя бы заботились о благопристойномъ поведеніи дѣтей дома, не допускали бы, чтобы дѣти собирались на гульбищахъ, присутствовали при пьяныхъ сборищахъ, не позволяли бы себѣ при играхъ сквернословія... Гдѣ вы найдете такихъ лицъ? А замѣьте при этомъ, эти лица должны быть вѣдь *одинаково авторитетны* и для дѣтей и для родителей... Кто-жъ, кромѣ священника, чаще всего заглядываетъ въ домъ крестьянина? Священникъ и на исповѣди, и во время посвѣщеній для исправленія требъ, и въ храмѣ можетъ воздѣйствовать на взрослыхъ...

„Разъ народное образованіе ввѣрено нашему духовенству, оно не можетъ уже относиться къ этому дѣлу равнодушно, да теперь и не относится. Собственно говоря, духовенство вѣдь вынесло на своихъ плечахъ такъ быстро выросшую церковную школу. И теперь каждый изъ кандидатовъ священства знаетъ, что ему предстоятъ труды въ первоначальной школѣ. Скажите же: если *каждому* человѣку свойственно хотя разъ въ жизни задуматься надъ вопросомъ о своемъ призваніи, о своемъ долгѣ, ужели молодые люди, готовящіеся къ священству, не ставятъ себѣ этого вопроса? Не

звучить ли надъ ними и въ школѣ, и въ храмѣ, и въ жизни божественное повелѣніе: идите и научите—научите соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ? И разумѣется, первый вопросъ: какъ всего лучше, всего дѣйствительнѣе исполнить эту главную обязанность пастырства? Единственно—при посредствѣ школы! Если трудно воспитывать дѣтей, то еще труднѣе исправлять взрослыхъ, съ укоренившимися дурными навыками. Истинно-христіанское благочестіе можетъ быть привито только въ дѣтствѣ. Юная душа свѣжа, глубоко-восприимчива. Впечатлѣнія дѣтства остаются неизгладимы на всю жизнь, и часто, бессознательно для насъ самихъ, руководятъ нашими поступками. О, духовенство наше, если только оно сознаетъ свое назначеніе, должно вѣчно возносить горячія молитвы за душу незабвеннаго Царя!.. Воистину, вопросъ о народной школѣ для нашего духовенства—это „быть или не быть“, исполнять ли свою миссію или измѣнить своему призванію! Ни одинъ сколько-нибудь честный пастырь, сколько-нибудь дорожающій своимъ достоинствомъ, сколько-нибудь думающій о страшной отвѣтственности своего званія предъ Тѣмъ, Кто поставилъ его пастыремъ въ Своей Церкви, не скажу—не долженъ, нѣтъ, не можетъ равнодушно относиться къ школѣ. И, Боже, какъ радостно бьется мое сердце при вѣстьяхъ, что быстро, быстро возрастаетъ число пастырей, беззавѣтно, съ пламенной любовью отдающихся школѣ! О, я глубоко убѣжденъ въ успѣхъ и долговѣчности церковной школы! Она исполнитъ свое назначеніе. Пусть, при настоящихъ затрудненіяхъ, при недородахъ, при оскудѣніи, при неурядицѣ въ деревнѣ, правительство и общество заботятся и о

лучшихъ распорядкахъ, и о лучшихъ экономическихъ условіяхъ крестьянскаго быта,—это не дѣло духовенства, но оно, при помощи школы, обновить духъ народный, оно вдохнетъ бодрость и энергію духа, оно духовно воспитаетъ нашъ народъ, а это—главное! Въ этомъ залогъ всякихъ успѣховъ, духовныхъ и матеріальныхъ! Мнѣ остается лишь добавить, чтобы прямые исполнители воли царской, чтобы всѣ, кто имѣетъ власть и вліяніе въ нашемъ народѣ, въ нашей деревнѣ, всѣми силами содѣйствовали духовен-

ству. Этимъ они исполняютъ и своей гражданской долгъ и свое христіанское назначеніе! "Забытъ не явля Таковы были взгляды и убѣжденія о. Михаила относительно церковно-приходскихъ школъ. Такъ глубоко вѣрилъ онъ въ ихъ будущность, въ ихъ великое въ жизни народной назначеніе. Теперь подѣлимся съ читателями „Божіей Нивы“ біографическими свѣдѣніями о почившемъ и личными о немъ воспоминаніями. (Продолженіе слѣдуетъ).

СВѢТЛАЯ СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРИИ СТАРОЙ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.

Въ № 1 „Воронежскихъ Еп. Вѣдомостей“ за 1902 г. мы находимъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности одного почтеннаго пастыря, священника о. Андрея Соколова. Авторъ статьи совершенно справедливо говоритъ, что въ наше суетное время „грѣшно скрывать отъ общества представителей высокаго христіанскаго духа, на созерцаніи которыхъ отдыхаетъ человѣческая душа, утомленная погоней за тлѣнными благами.“ О. Андрей—это не „литературный типъ,“ это—личность, взятая изъ живой дѣятельности а потому и его дѣятельность представляетъ поучительный примѣръ для сельскихъ, — да и не сельскихъ только — пастырей, ревнующихъ о своемъ служеніи. Полагаемъ, что наши читатели съ удовольствіемъ прочитаютъ тѣ строки изъ статьи объ о. Андрей, которыя представляютъ собою свѣтлую страничку изъ исторіи старой, никому официально невѣдомой, но тѣмъ не менѣе для народа благотворной церковной школы.

„Послѣ трехлѣтней учительской службы въ Задонскѣ Андрей Соколовъ былъ посвященъ во священники въ сл. Лизиновку Острогожскаго уѣзда. На новомъ мѣстѣ молодая чета все свое свободное время посвящала школѣ. Въ Лизиновкѣ было большое помѣстье Господь Чертковыхъ. Дѣти дворовыхъ и лѣтомъ не были заняты никакими работами. Поэтому занятія въ школѣ продолжались круглый годъ. Женское отдѣленіе находилось въ вѣдѣніи матушки, — а въ мужскомъ занимался самъ о. Андрей. На лѣто мальчики переселялись въ прохладный сарай и занимались тамъ при открытыхъ настежь дверяхъ. На открытіе этихъ школъ „по старинному“ разрѣшенія нигдѣ не спрашивалось и кромѣ мѣстнаго населенія школа никому не была извѣстна. Но Господу не угодно было, чтобы этотъ свѣтильникъ оставался подъ спудомъ. По волѣ Божіей школа не осталась въ своей скромной неизвѣстности. О явленіи ея міру передадимъ простой, но трогательный раз-